№10(14)

ISSN 1829-4820

Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова
в г. Ереване

Журнал входит в список
периодических изданий ВАК РА

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

2022

Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղ

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

M. Lomonosov Moscow State University, Yerevan branch

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

10 (14)

ԵՐԵՎԱՆ 2022
ЕРЕВАН 2022
YEREVAN 2022

Երաշխավորվել է տպագրության Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ.Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղի գիտական խորհրդի կողմից

Печатается по решению Ученого совета филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

Reprinted by decision of the Academic Council of the branch of the Moscow State University M.V. Lomonosov in Yerevan

«ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ» գիտամեթոդական հանդեսի առաքելությունը ՀՀ-ում ռուսագիտության՝ որպես լեզվաբանության ճյուղի մասսայականացումն է, ռուսաց լեզվի ուսումնասիրման նկատմամբ հետաքրքրություն առաջացնելը, օտարերկրյա հետազոտողների ուշադրությունը հայ գիտնականների մշակումներին հրավիրելը, դրանով իսկ հայ ռուսագիտության մասսայականացումն է, համատեղ ծրագրերի, դրամաշնորհների մշակման հնարավորության ընձեռումը, մագիստրոսների ներգրավումը հետազոտական աշխատանքներին:

Назначение научно-методического журнала «**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ**» рассматривается нами в ракурсе популяризации в РА русистики как отрасли языкознания, привлечения интереса к изучению русского языка, привлечения внимания зарубежных исследователей к разработкам армянских ученых и тем самым популяризации армянской русистики, возможности разработки совместных проектов, грантов и пр., привлечения магистрантов к научно-исследовательской работе.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ // Научно-методический журнал, №10 (14). / Глав. ред. Саркисян И.Р.; сост.: Акопян А.С. – Ереван: Изд-во МГУ, 2022. – 204 с.

ISSN 1829-4820

*Журнал входит в список периодических изданий **ВАК РА***

ORCID: 0000-0001-9263-6791

© Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В ИЗУЧЕНИЕ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Диана Григорьевна Оганесян
diana.hovhannisyan@rau.am

Ассистент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации;
Старший менеджер по организации учебного процесса
Института гуманитарных наук,
Российско-Армянский университет,
Ереван, Республика Армения

Карен Суренович Акопян
karen.hakobyan@rau.am

и.о. профессора, зав. кафедрой русского языка
и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук,
Российско-Армянский университет,
Ереван, Республика Армения

АННОТАЦИЯ

Разнообразие видов безличных конструкций, их употребительность в современном русском и – значительно меньшая – армянском языках наравне с личными конструкциями, обязывают синтаксиста задуматься о причинах и времени появления безличных предложений, о способах их развития, об их семантических и структурных разновидностях.
Безличные предложения всегда вызывали и до сих пор вызывают любопытство у многих лингвистов, выступающих в различных научных школах.
Ключевые слова: безличные конструкции, эволюция языка, грамматическая традиция.

Безличные предложения можно встретить во всех индоевропейских языках, они существовали уже в индоевропейском праязыке. К сожалению, мы не имеем достаточных сведений о времени и способах возникновения многих из них. Хотя существуют определённые предположения, дающие возможность утверждать, что безличные предложения возникли из личных предложений, а не наоборот [6: 140-142].

В лингвистике распространена такая точка зрения, согласно которой безличные конструкции появились в результате утраты субъекта из страха перед высшей силой (ср.: *Зевс сверкает – Сверкает*). Согласно этому положению, в древности речь человека состояла только из личных конструкций из-за характерного для них антропоморфизма. Древний человек думал, что за каждым формальным подлежащим скрывается высшая сила (боги/Бог). Наряду с таким положением существует и противиположное предположение – безличных конструкций не существует вовсе, в качестве субъекта может выступать сам глагол.

А.А. Дмитриевский сравнивал речь древнего человека с речью маленького ребёнка, отмечая одночленность первичного предложения. По его мнению, речь образовалась через живой разговор, берущий своё начало от первобытного человека. Как и первобытный человек, так и ребёнок вряд ли будет использовать в речи подлежащее [5].

Те учёные, которые считали первичными безличные конструкции, были сторонниками идеи дорелигиозного мышления древних людей. Суть этой идеи заключалась в том, что древний человек не обладал развитым мышлением, чтобы иметь какое-либо представление о существовании высшей силы.

Тем не менее, языковая мысль базируется на ассоциации двух представлений, и поэтому она всегда двучленна. Иначе было бы странным, если бы язык избрал сразу же одночленную форму.

Итак, рассмотрим, какой путь развития прошло изучение безличных предложений в русской лингвистической науке.

Научное исследование грамматических явлений системы русского языка впервые находим в работах М.В. Ломоносова. Хотя некоторые суждения, представления, интерпретации безличных предложений как синтаксических

конструкций, а также безличных глаголов, лежащих в основе этих конструкций, встречаем и в более ранних трудах российских грамматиков.

В своей грамматике Мелетий Смотрицкий в разделе морфологии среди обычных личных глаголов выделяет особую группу безличных и далее даёт их парадигмы.

В синтаксисе в главе «*О сочинении безличных страдательных глаголов*» Смотрицкий отмечает, что многие безличные глаголы употребляются в качестве самостоятельных предложений.

Смотрицкий также отмечает, что каждое 3-е лицо может употребляться безлично. В его труде уже говорится о природе безличных конструкций, о форме безличных глаголов и их употреблении в речи [цит. по: 3: 60].

В «*Российской грамматике*» Ломоносов подразделяет глаголы на личные и безличные, указывая, что безличные глаголы имеют только 3-е лицо, и в качестве доказательства приводит следующие примеры: *надлежит, кажется, говорят* [7: 482–483].

При этом Ломоносов к безличным глаголам относит и глаголы с неопределённо-личным значением в предложении: *меня хвалят, тебя хвалят, его хвалят.*

Ломоносов также приводит примеры предложений с краткими формами страдательных причастий, называя их безличными глаголами в среднем роде: *думано было, бывало сажено, тебе велено* и т.д. [7: 112–113].

Н.И. Греч в своей работе «*Чтения*» о безличных предложениях отзывается следующим образом: «Есть некоторые глаголы, в которых не означается предмет действующий и существо заключается в самом действии, например: *светает, морозит*; такие глаголы называются безличными. Но не имея подлежащего, они не имеют и предмета, на который бы действие их обращалось» [4: 122–123].

Немного иначе и шире интерпретирован вопрос о безличных глаголах в грамматике А.Х. Востокова. Он отмечает, что те глаголы, которые употребляются во всех трёх лицах и родах, являются личными, а глаголы, употребляющиеся только в 3-ем лице без личного местоимения или без существительного, при этом принимающие в прошедшем времени средний род, явля-

ются безличными: *подобает – подобало*, *рассветёт – рассвело*, *тошнит – тошнило* и др.

Востоков считает, что если к глаголу добавить постфикс *-ся,* то он станет безличным, и показывает это на конкретных примерах: *думает – думается*, *может – можется*, *хворает – хворается*, *хочет – хочется*, *спрашивает – спрашивается.*

В то же время Востоков не обращает внимания на изменение смысла наравне с формальными изменениями глагола: он не устанавливает разницы между глаголами *хочется* и *спрашивается*, которые имеют различные свойства, несмотря на то что имеют одинаковую возвратную частицу *-ся* [2: 310–315].

Наиболее широкий охват в этом вопросе наблюдается в работах Ф.И. Буслаева.

Буслаев особое внимание уделяет безличным предложениям, несмотря на то что теоретически не признаёт безличности как таковой, заявляя, что в глагольных окончаниях он видит «лицо» [1: 153–157].

Буслаев приводит примеры глаголов, обозначающих безличность и употребляющихся в основном в 3-ем лице, причем эти глаголы обозначают явления природы или же явления, непонятные человеку. Например, многие заклятия выражаются безлично: *чтоб тя прострело*, *чтоб тя язвило*.

Буслаев также перечисляет примеры из народных пословиц, народных песен, где безличные глаголы трансформируются из личных, а также предложения со страдательными причастиями: *И жито забыто и пито не в честь*. *В девках сижено, горе мыкано*.

Такие слова как *лень*, *досуг*, *пора*, *жаль* Буслаев относит к существительным или наречиям, хотя предложения с этими словами относит к безличным: *лень работать*.

К собственно безличным Буслаев относит только такие глаголы, как: *подобает*, *довлеет*, *нет*. Он упоминает также об особой природе «речений» (*надо*, *не надо),* которые не согласуются и не используются как самостоятельные безличные глаголы, от которых зависят имена, например, как в строке из древнерусского стихотворения: *Не надо мне твоя золота казна*.

По мнению Буслаева, замена личного оборота безличным – одна из характерных черт русского языка. Мы обращаемся к безличной форме даже тогда, когда невозможно избавиться от действующего лица.

В качестве доказательства Буслаев приводит примеры случаев замены личных оборотов безличными: *я хочу – мне хочется*; *я думал – мне думается*; *его гром убил – его громом убило* (в вышеперечисленных примерах наблюдается замена именительного падежа дательным или именительного падежа творительным) [2: 158–160].

Основным вопросам синтаксиса и анализу безличных предложений уделил особое внимание выдающийся учёный-филолог А.А. Потебня. В своем фундаментальном многотомном труде «*Из записок по русской грамматике*» он поднимает вопрос о причинах безличности предложений (отметим, что в своих трудах он использовал термин «*бессубъектные предложения*»).

По мнению Потебни, бессубъектность – следствие эволюции языка, постепенной утраты субстанциональности. Потебня выявляет особенности образования категории безличности, даёт классификацию безличных предложений, обозначает, какими грамматическими формами выражена безличность не только в русском, но и в других славянских языках [10: 408].

В первую очередь к безличным он относит такие предложения, у которых нет известного лица при сказуемом. Потебня утверждает, что безличным оборотам предшествовали личные, говоря при этом, что некоторые категории безличных глаголов, образованных от имён, замышляют эти же имена, то есть вопрос «*кто светает?*» предусматривает ответ «*свет светает*». Следовательно, по мнению Потебни, выражение *туманится* произошло от «*туман туманится*», а выражение *чудится* от «*чудо чудится*».

Безличными, в терминологии Потебни – бессубъектными, он считает предложения:

- обозначающие явления природы: *вечереет*, *хмурится*, *туманится*;
- конструкции с дательным падежом: *мне показалось*, *мне спится*, *нам пришлось*;
- при страдательном сказуемом с дополнением в родительном падеже: *у дородного добра молодца много было службе послужено*;

- при безличном сказуемом сочетание числительного с родительным падежом существительного: *тех пять голубей прилетело*;
- типа *холодно*, *мне жарко*;
- со словами *жаль*, *стыд*, *грех* + инфинитив;
- с инфинитивом типа *весело было ехать*, *нельзя было ехать*;
- отрицательные: *нет у молодца молодой жены* [10: 350–352].

Ссылаясь на существование в русском языке большого количества безличных предложений, Потебня пытается показать и тем самым доказать, что в языке всё время идёт активный процесс, в результате которого утрачивается субстанциональность и усиляется глагольность в предложениях. Следовательно, безличные конструкции – результат этого активного процесса.

В процессе развития в сознании человека субъект как таковой утратился. Потебня указывает причины исчезновения субъекта:

1) тотемистическое представление, то есть утаивание имени тотема;

2) неизвестность действующей причины из-за неполной информированности в законах природы [10: 370].

Анализ подобного рода преобразований предложений Потебня проводит только применительно к безличным предложениям, обозначающим стихийные явления. Что касается остальных видов безличных предложений, то причину возникновения Потебня видит в несоблюдении конструкций согласования или же объясняет правилом соответствия.

Хотя Потебне не все удалось доказать, некоторые его открытия носили субъективный характер и не были достаточно убедительными, тем не менее его концепции направляют мыслителей на последующие открытия.

Ученик и последователь Потебни – Д.Н. Овсяннико-Куликовский пытается определить синтаксические положения систематизации безличных предложений и обнаружить, каким образом в языке создаются обороты абсолютно безличные и относительно безличные. Овсяннико-Куликовский считает, что основным объектом исследования в этих предложениях должно быть подлежащее, а не сказуемое или же семантика предложений (статья «*Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений*») [8].

Учёный отмечает, что в таких высказываниях, как *морозит, светает,* утратилось не только подлежащее, но и та его часть, которую оно когда-то занимало. Отсюда можно сделать вывод, что, по мнению Овсяннико-Куликовского, изначально существовали личные предложения, в которых субъекты по каким-то причинам со временем утратились.

Овсяннико-Куликовский отмечает четыре случая употребления безличных предложений:

1) ненужность обозначения конкретного действующего лица;

2) недосказанность о действующем лице, оттеняющая мысль, что оно неизвестно или скрыто;

3) недосказанность о действующем лице по той причине, что оно достаточно ясно из значения сказуемого;

4) обход подлежащего связан с оттенками необходимости того, что выражено сказуемым: «*По платью встречают, по уму провожают*» [8: 100–101].

Как видим, он относит к безличным предложениям также обобщенно-личные (по форме омонимичные неопределённо-личным).

Овсяннико-Куликовский отмечает, что в древний период было намного меньше безличных оборотов. Следовательно, безличные предложения – продукт позднего развития.

Рассмотрим, что нового ввёл А.М. Пешковский в понимание безличного предложения. Во-первых, он отмечает, что для понимания безличных предложений важно понять сущность безличных глаголов, которые не изменяются по родам и по числам.

Во-вторых, Пешковский, как и другие синтаксисты, отмечает, что безличные предложения не только не могут иметь в своей конструкции подлежащего, но и не могут намекать на существование какого-либо подлежащего.

Термин «*безличный*» Пешковский использует лишь условно, считая, что полной безличности в сказуемом не может быть. Таким образом, Пешковский предлагает новое понятие – «предложения с устранённым третьим лицом», но, по привычке, он продолжает употреблять старый термин [9: 343–344].

Пешковский считает, что безличные предложения образовались от личных. В предложении *его убило громом* подлежащее устраняется как неизвестный предлог того явления, которое выражено в глаголе. На этой основе Пешковский считает, что безличные предложения – позднее явление. А первичны такие предложения как: *гром гремит*, *чудо чудится*.

А теперь рассмотрим, как изучались безличные конструкции в армянском языке.

В прошлом в армянском языке безличные предложения имели ограниченное употребление. Это стало одной из причин того, что армянские лингвисты, в том числе и М. Абегян, оставили без внимания эти предложения и не выделили их в отдельную группу.

Но главная причина того, что безличные предложения не рассматривались как самостоятельная коммуникативная единица, заключалась в том, что базовым свойством предложения считалась глагольность, а предложение без сказуемого, выраженного личным глаголом, не признавалось. М. Абегян отмечал, что «сущность речи заключается в сказуемости, без неё нет речи. А сказуемость выражается только словами отдельной группы или грамматического класса, называемого глаголом. Следовательно, без глагола нет речи» [16: 209]. (перевод наш – *Д.О., К.А.*)

Такого же мнения придерживался и другой выдающийся армянский лингвист, акад. Р.А. Ачарян. Он писал, что главное слово в предложении – личный глагол, без него предложение не может существовать.

Безличные конструкции как отдельный вид предложения стали изучаться сравнительно поздно. И это обстоятельство, как отмечает Г.А. Арутюнян, имело ряд причин:

1) безличные конструкции своими видовыми и структурными характеристиками не соответствовали логическим, психологическим, отчасти и видовым моделям, которые на протяжении веков формировались в соответствии со структурой личных предложений;

2) в прошлом они не характеризовались частотностью употребления, поэтому и не попали в центр внимания;

3) основная черта предложений – сказуемое рассматривалось как приписывание характерных черт предмету (то есть подлежащему), а безличные предложения в этом смысле не имеют сказуемого;

4) игнорировалась роль грамматической интонации, что является основным способом формирования безличных предложений [в армянском языке] [15: 3].

Полагая, что сказуемое, включающее в себя личный глагол, т.е. вспомогательный глагол в лично-спрягаемой форме, – неотъемлемое свойство предложений, ни Абегян, ни Ачарян не должны были выделять и не выделяли безличные конструкции в отдельную группу.

Тем не менее уже в конце XIX – начале XX вв. некоторые армянские лингвисты стали употреблять термин «*безличные предложения*». Впервые достаточно развернуто исследовал данный тип предложений С. Паласанян в своей «*Грамматике родного армянского языка*» («*Քերականութիւն մայրենի լեզուի հայոց*», 1874г.) – первой школьной грамматике восточноармянского литературного языка второй половины XIX в. Он называл их *безличными* (*անդեմ*) или *одноличными* (*միադիմի*), выделяя при этом *собственно безличные* (*բուն անդեմ*) и *случайно (*или *акцидентально) безличные* (*պատահական անդեմ*) предложения. К первой группе он относил такие предложения, как: *պետք է, հարկ է, բաւ է, հերիք է, մեղք է*. А ко второй – *անձրևեց, ամպել է, փայլատակում է, մռնչում է, բառաչում է* и др. Кроме того, он отмечал, что подобные предложения выражаются глаголами среднего (*չեզոք*) и страдательного (*կրավորական*) залога: *մնում է, թվում է, ասված է, լսվում է*. Паласанян первым среди армянских лингвистов указал также на безличное употребление личных глаголов, выраженных:

1. 3-им лицом множественного числа: «*Կարծում են՝ թե լուսնի վրա բնակիչներ կան*».

2. 2-ым лицом единственного числа: «*Սգավոր մարդ տեսնելիս ուզում ես միխիթարել նրան, բայց չես իմանում, թե ինչ ասես, կամ որտեղից սկսես*».

Фактически, к безличным предложениям были отнесены неопределённо-личные и обобщённо-личные предложения.

Позже М. Абегян отказался от термина «безличные предложения» (и от «*դիմազուրկ*», и от «*անդեմ*») и все вышеуказанные конструкции назвал ***бесподлежащными предложениями*** (*անենթակա նախադասություններ*).

После этого систему односоставных предложений описал в своей работе «*Синтаксис армянского языка*» («*Հայոց լեզվի շարահյուսություն*», 1936 г.) Г. Севак. Он впервые разграничил *бесподлежащные предложения* и *безличные предложения*. При этом безличные предложения – с точки зрения русской грамматики – Г. Севак включил в группу, которая называлась как раз «*бесподлежащные предложения*». Как отмечал автор, бесподлежащными называются предложения, в которых подлежащее не выражено, и оно не может быть восстановлено [цит. по: 15: 29].

После переиздания «*Синтаксиса армянского языка*» (1957 г.) [18] профессора Г. Севака, в котором, как мы уже отметили, безличные конструкции впервые были выделены в отдельную группу, очень много вопросов, касающихся этих предложений, было исследовано С. Абраамяном в труде «*Некоторые вопросы современного армянского синтаксиса*» (1962 г.) [11], В. Аракеляном в «*Синтаксисе армянского языка*» (1964 г.) [12], С. Гюлбудагяном в «*Односоставных предложениях современного армянского языка*» (1967 г.) [14] и др.

В армянской грамматической традиции принято считать, что безличные предложения включают в свой состав главный член, который может быть выражен начальной формой имени существительного, неопределённым причастием или другой частью речи. В результате безличные конструкции распадаются на 2 группы: *глагольные* (то же, что и *причастные)* и *номинативные* (*назывные*) [15: 467].

Какие дополнения могут иметь эти главные члены? На первый взгляд, вопрос кажется простым. Если это слово является существительным, то его дополнениями будут *определение* (*որոշիչ*), *несогласованное определение* (*հատկացուցիչ*) и *приложение* (*բացահայտիչ*), а если глагол, то *дополнение* (*խնդիր*) и *обстоятельство* (*պարագա*). Но на самом деле это не так. В на-

зывных безличных предложениях могут встречаться обстоятельства места и времени (фактически – локальные и темпоральные детерминанты), а также косвенные дополнения. Такие предложения, выражающие наличие предмета, место и время, В. Аракелян не относит к назывным из-за наличия черт, присущих сказуемому, он относит их к самостоятельным неполным предложениям.

Г. Арутюнян к назывным безличным предложениям относит конструкции, выражающие приветствие, пожелание и проклятие, и даже наименования продаваемых предметов, которые являются средством коммуникации и выражения мысли для продавца и покупателя. Например, предложения «*Խաղաղություն ձեզ, մեր անբախտ պապեր*» и «*Անեծք նրա չար գործին*» относятся к назывным безличным, хотя предполагают наличие сказуемого «*լինի*». Возможно, что подобные выражения в прошлом имели это предполагаемое сказуемое и являлись личными предложениями, доказательством чего являются дополнения к сказуемому *ձեզ* и *գործին*. Однако на данный момент эти предложения функционируют без сказуемого и, следовательно, должны изучаться с этой точки зрения.

Г. Арутюнян также отмечал, что армянские термины «*միակազմ*» и «*երկկազմ*» являются неудачными переводами с русского (ср.: *односоставный* и *двусоставный*), объясняя это тем, что любое предложение и без того является единым целым. Вместо этих терминов он предлагал употреблять термины «*միակենտրոն*» (*моноцентричный*) или «*միաբևեռ*», «*երկկենտրոն*» (*биценричный*) или «*երկբևեռ*» [15: 12]. При этом безличные конструкции он относил к первому типу. Следует отметить, что к первому типу относятся также бесподлежащные предложения. И, скорее всего, именно этот факт стал причиной того, что В. Аракелян относил к безличным предложениям, обозначающим явления природы (*Մթնեց*), конструкции с лично-спрягаемой формой вспомогательного глагола *լինել* и причастием будущего времени, оканчивающимся на *–ի* «*Նկատելի է, որ…*». Однако такой подход является спорным, если учесть, что в работах других учёных наблюдается чёткое разграничение между безличными и бесподлежащными предложениями.

Что касается назывных безличных предложений, то, по мнению одних арменистов, они имеют древнее происхождение, по мнению же других, эти конструкции появились лишь в XIXв. [13: 177]. Так или иначе, они не имели широкого применения. В качестве доказательства приводится пример из труда «*Страницы из армянской средневековой художественной прозы*»: «*Զարմանք. վաղվաղակի աւտված է բարձ զայն փորձութիւն*» [16: 43]. Некоторые назывные безличные предложения стали широко употребляться с появлением кино, радио, телевидения, что стало требовать короткую, чётко сформулированную речь.

Если сравнить исторический процесс развития безличных предложений в русском и армянском языках и, главное, историю их изучения в двух грамматических традициях, то можно сделать вывод, что перед нами две разные картины: если в русской грамматике наглядно виден процесс поэтапного исследования безличных предложений, начиная со времён М. Смотрицкого и М.В. Ломоносова вплоть до первой академической («*виноградовской*») грамматики русского языка, то сказать то же самое относительно армянского языка и армянской грамматической традиции мы не можем. Здесь безличные конструкции оказались в центре внимания лингвистов относительно поздно, и до сих пор нет ни чёткой картины процесса их грамматического и семантического развития в армянском языке, ни общепризнанной классификации, лишённой внутренних противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка (8-е изд, испр. и доп.). – М.: «Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа», 1959. – 235 с.
2. *Востоков А.Х.* Русская грамматика. – СПб.: «Тип. И. Глазунова», 1831. – 449 с.
3. *Галкина-Федорук Е.М.* Безличные предложения в современном русском языке (2-е изд.). – М.: «Либроком», 2011. – 336 с.
4. *Греч Н.И.* Чтение о русском языке. Ч. 1 – СПб.: «Тип. Н. Греча», 1840. – 336 с.

5. *Дмитриевский А.А.* Практические заметки о русском синтаксисе // Филологические записки – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crecle-co.seriot.ch/cours/a11-12/MA/A11/5DMIT/Dmit.pdf (Дата обращения: 13.04.2022).
6. *Зарецкий Е.В.* Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками): монография / Е.В. Зарецкий. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – 564 с.
7. *Ломоносов М.В.* Российская грамматика – СПб.: «Академия наук», 1898. – 213 с.
8. *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Синтаксис русского языка. – СПб.: «Изд. Д.Е. Жуковского», 1912. – 312 с.
9. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении (8-е изд.). – М.: «Языки славянской культуры», 2001. – 544 с.
10. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. – М.: «Просвещение», 1968. – 551 с.
11. *Աբրահամյան Ս.* Ժամանակակից հայերենի շարահյուսության մի քանի հարցեր: – Երևան, 1962:
12. *Առաքելյան Վ.* Հայերենի շարահյուսություն: Բ հատոր / ԳԱ հրատ.: – Երևան, 1964: – 467 էջ:
13. *Բադիկյան Խ., Պապոյան Ս.* Ժամանակակից հայոց լեզվի շարահյուսություն: – Երևան, 2003: – 462 էջ:
14. Գյուլբուդաղյան Ս. Միակազմ նախադասությունը ժամանակակից հայերենում: – Երևան, 1967: – 213 էջ:
15. *Հարությունյան Հ.Ս.* Անդեմ նախադասությունները ժամանակակից հայերենում: – Երևան, 1970:
16. *Հարությունյան Հ.Ս.* Անդեմ նախադասությունների առանձնահատկությունների հարցի շուրջ – [Էլեկտրոնային ռեսուրս]. – Մուտքի հասցե՝ http://hpj.asj-oa.am/1001/1/1966-4(207).pdf (Մուտքի ամսաթիվ՝ 13.04.2022թ.).
17. *Մելիք-Օհանջանյան Կ.* Էջեր հայ միջնադարյան գեղարվեստական արձակից: – Երևան, 1967: – 284 էջ:
18. *Սևակ Գ.* Հայոց լեզվի շարահյուսություն: – Երևան, 1972:

ԱՆԴԵՄ ՆԱԽԱԴԱՍՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՄԱՆ ՊԱՏՄԱԿԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆ ՌՈՒՍԵՐԵՆ ԵՎ ՀԱՅԵՐԵՆ ԼԵԶՈՒՆԵՐՈՒՄ

Դ.Գ. Հովհաննիսյան

diana.hovhannisyan@rau.am

Հումանիտար գիտությունների ինստիտուտի
ռուսաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցության ամբիոնի ասիստենտ,
ուսումնական գործընթացի կազմակերպման ավագ մենեջեր,
Հայ-Ռուսական համալսարան,
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն

Կ.Ս. Հակոբյան

karen.hakobyan@rau.am

Բ.գ.թ., դոցենտ, պրոֆեսորի պաշտոնակատար,
Հումանիտար գիտությունների ինստիտուտի
ռուսաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցության ամբիոնի վարիչ,
Հայ-Ռուսական համալսարան
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Անդեմ նախադասությունների տեսակների բազմազանությունը, դրանց գործածելիությունը ժամանակակից ռուսերեն և՝ շատ ավելի քիչ հայերեն լեզուներում անձնական նախադասությունների հետ մեկտեղ գիտնականին ստիպում են մտածել անդեմ նախադասությունների ի հայտ գալու պատճառների և ժամանակի, դրանց զարգացման ուղիների, իմաստի և կառուցվածքի մասին։

Անդեմ նախադասությունները միշտ առաջացրել և առաջ են բերրոել գիտական տարբեր դպրոցներում ելույթ ունեցող բազում լեզվաբանների հետաքրքրասիրությունը։
Բանալի բառեր՝ անդեմ կառույցներ, լեզվի էվոլյուցիա, քերականական ավանդույթ։

HISTORICAL EXCURSION TO THE STUDY OF IMPERSONAL SENTENCES IN RUSSIAN AND ARMENIAN LANGUAGES

D. Hovhannisyan
diana.hovhannisyan@rau.am

Assistant at the Department of Russian Language and Professional Communication,
Senior Educational Manager of Institute of Humanities,
Russian-Armenian University,
Yerevan, Republic of Armenia

K. Hakobyan
karen.hakobyan@rau.am

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Acting Professor, Head of the Department of Russian Language
and Professional Communication of the Institute of Humanities,
Russian-Armenian University,
Yerevan, Republic of Armenia

ABSTRACT

The variety of types of impersonal constructions, their usage in the modern Russian and Armenian languages along with personal constructions oblige the syntaxist to think about the reasons and time of appearance of impersonal sentences, about the ways of their development, about their semantic and structural varieties.

Impersonal sentences have always aroused and still arouse the curiosity of many linguists speaking in various scientific schools.
Keywords: impersonal constructions, language evolution, grammatical tradition.

Информация о статье:
статья поступила в редакцию 17 мая 2022 г.,
подписана к печати в номер 10 (14) / 2022 – 01.12.2022 г.